

УДК 94(47).04

DOI: 10.18413/2408-932X-2018-4-2-0-2

Пенской В. В.¹,
Пенская Т. М.²

МОСКОВСКАЯ «НЕДОТИРАНИЯ» РАННЕГО НОВОГО
ВРЕМЕНИ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

¹Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия; penskoy@bsu.edu.ru

²Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия; penskaya@bsu.edu.ru

Аннотация. Статья представляет собой размышления над природой «Большого Стереотипа», который рисует Россию раннего Нового времени деспотическим азиатским государством. Авторы приходят к выводу, что данный стереотип основан на некритическом восприятии историками свидетельств западноевропейских путешественников, дипломатов и авантюристов. Обращение к актовым материалам дает совершенно иную картину. Авторы показывают, что в современной западной историографии (и отчасти в российской) сложилась к настоящему времени устойчивое «ревизионистское» течение. Это направление пересматривает прежние негативные оценки московского раннемодечного политического устройства и режима и исходит из того, что политическое и правовое развитие России раннего Нового времени в основе своей не отличается от раннемодечных западноевропейских государств.

Ключевые слова: Позднее Средневековье; раннее Новое время; Европа; Россия; государство; право; централизация; стратегии управления.

V. V. Penskoj¹,
T. M. Penskaya²

THE EARLY MODERN MUSCOVITE "SUB-TYRRANY"
IN MODERN HISTORIOGRAPHY

¹Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; penskoy@bsu.edu.ru

²Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; penskaya@bsu.edu.ru

Abstract. This article is a reflection on the nature of the "Great Stereotype," which depicts Russia in early modern times as a despotic Asian state. The authors come to the conclusion that this stereotype is based on the historians' uncritical perception of the evidence of West European travelers, diplomats and adventurers. The reference to the act materials gives a completely different picture. The authors show that in modern Western historiography (and partly in Russia) there has been a stable "revisionist" current. This direction does not reconsider the previous negative assessments of the Moscow early-political political system and regime, and proceeds from the premise that Russia in the early modern period, in its political and legal development, does not fundamentally differ from early Western European states.

Keywords: Later Middle Ages; early Modern; Europe; Russia; state; law; centralization; strategies of administration.

Чуть больше полутора десятков лет назад писатель и публицист А.Л. Янов, размышляя об историческом пути, пройденном Россией, писал о «Большом стереотипе мировой историографии», который, по его мнению, заключался в том, что «государство Россия вышло из-под ига (ордынского – В.П., Т.П.) деспотическим монстром, наследницей вовсе не европейской Руси, а монгольской Орды». Именно «вековое иго коренным образом изменило цивилизационную природу страны, – продолжал далее А.Л. Янов, характеризуя этот самый «Большой Стереотип», – европейская Русь превратилась в монгольско-византийскую Московию» [28, с. 23].

Итак, согласно Янову, суть пресловутого «Большого Стереотипа», господствующего и в зарубежной, и в российской историографии, заключается в том, что ордынское завоевание коренным образом изменило судьбу Русской земли, своротив ее с европейского пути на путь построения азиатской деспотии и тирании, создания «удушливого» и «тоталитарного» (эпитеты, которые подобрал для его характеристики Н.А. Бердяев) Московского царства. Не вдаваясь в подробности относительно сущности этого историографического «Большого Стереотипа», сама первооснова которого уже вызывает сомнения – Орда и тем более Византия никак не могут претендовать на статус тиранических и деспотических государств, поскольку полагание их таковыми и есть реальный «Большой Стереотип», – посмотрим, какие выводы сделал из его существования А.Л. Янов. В противовес этому «Большому Стереотипу» он

развивает свой. «Начинала свой исторический путь Россия в 1480-е вовсе не как наследница чингисханской империи, – излагал он свою концепцию, – но как обыкновенное североевропейское государство, мало чем отличавшееся от Дании или Швеции, а в политическом смысле куда более прогрессивное, чем Литва или Пруссия».

Эту прогрессивность Янов обуславливал, с одной стороны, тем, что Москва первой в Европе подступила к церковной Реформации. Надо полагать, здесь публицист имеет в виду прежде всего знаменитую дискуссию «нестяжателей» и «иосифлян», хотя, если уж идти таким путем, то можно вспомнить хотя бы движение лоллардов в Англии в конце XIV – начале XV в. и чешское гуситство – чем не первые подступы к Реформации в Европе? С другой стороны, он упоминает о том, что Москва первой попробовала стать конституционной монархией¹. Наконец, А. Янов упоминает о «вполне европейском местном самоуправлении», которое было создано в России в 1550-е гг.

«Таково одно древо фактов, полностью противоречащее старому “канону”», – писал дальше публицист, но «наряду с ним, однако, существует и другое древо, подтверждающее его». Начатки церковной Реформации не получили развития (более того, по мнению Янова, государство в этой борьбе потерпело «сокрушительное поражение»). Точно также заглохли и «конституционалистские» устремления аристократической элиты². Наконец, по мнению А. Янова, «местное самоуправление и суд присяжных погибли в огне *самодержавной*

¹ Тут не совсем ясно, что имеет в виду А. Янов – крестоцеловальную ли запись, данную Василием Шуйским при вступлении его на престол [см.: 22, с. 299-300] или же проект «конституции», составленный в 1610 г. М.Г. Салтыковым Кривым [см., напр.: 11, с. 180-181].

² И как тут не вспомнить разговор польского шляхтича с москвитом во время Смуты: «В беседах с москвитянами, наши, выхваляя свою вольность, советовали им соединиться с народом польским и также приобрести свободу. Но русские отвечали: “Вам дорога ваша воля, нам неволя. У вас не воля, а своеволие: сильный грабит слабого; может отнять у него имение и самую жизнь. Искать же правосудия, по вашим законам, долго: дело затянется на несколько лет. А с иного и ничего не возьмешь. У нас, напротив того, самый знатный боярин не властен обидеть последнего простолюдина: по первой жалобе, царь творит суд и расправу (выделено нами. – В.П., Т.П.). Если же сам государь поступит неправосудно, его власть: как Бог, он карает и милует. Нам легче перенести обиду от царя, чем от своего

революции Грозного (выделено нами. – В.П., Т.П.)» [28, с. 31].

Мы не случайно выделили именно этот фрагмент в последней фразе А. Янова. Дело в том, что именно с действиями Ивана IV связывает он победу «патерналистской» («с ее провозглашением исключительности России, с государственной идеологией, с мечтой о сверхдержавности и о “мессианском величии и призвании”») политической традиции над традицией европейской («с ее гарантиями свободы, с конституционными ограничениями власти, с политической терпимостью и отрицанием государственного патернализма») [28, с. 31]. Эта победа и стала, по мнению Янова, подлинной трагедией для России и русского общества, а титаническая фигура первого русского царя, этого злого гения русской истории, обретает воистину inferнальные черты. Не Орда и не Византия, а Иван Грозный – вот кто виновник, по мнению А. Янова, в том, что Россия свернула с «европейского» пути.

Любопытно, что А. Янов, выстраивая свою концепцию, в общем-то, не слишком и оригинален. «Следы» этой концепции «Большого Стереотипа» без особого труда можно сыскать в отечественной исторической литературе задолго до того, как вышла в свет его книга. Возьмем, к примеру, в руки изданный в 1991 г. (но заверченный в 1980-м) труд известного отечественного историка А.А. Зимина, признанного специалиста по истории России позднего Средневековья – раннего Нового времени, «Витязь на распутье». Размышляя над проблемой русского исторического выбора, он писал, ссылаясь на мнение Н.Е. Носова, что «в конце XV – первой половине XVI в. в России происходила борьба двух тенденций развития страны». Суть ее заключалась в том, что определялся ответ на вопрос – «по какому пути пойдет Русь: по предбуржуазному, который развивался над Севере, или по крепостническому?». По мнению Зимина, «крепостнической, крестьянской и

монашеской Москве противостояла северная вольница промысловых людей (солеваров, охотников, рыболовов) и свободных крестьян», населявших галицкие, устюжские и вятские земли. И «гибель свободы Галича повлекла за собой падение Твери и Новгорода, а затем и кровавое зарево опричнины» [8, с. 209-211].

Обратимся к «плодотворной мысли» (по словам А.А. Зимина) Н.Е. Носова, датированной 1969 г. (и на удивление близкой построениям А. Янова). Он писал, что «эпоха Ивана Грозного стоит на перепутье. XV–XVI века, открывающие новый период в истории Западной Европы – эпоху великих географических открытий и становления капитализма, великих реформаций и утверждения абсолютистских монархий, – переломный этап и в истории России», поскольку, по мнению историка, тогда решался вопрос, по какому пути пойдет дальше истории России по пути ли «подновления феодализма (изданием) крепостничества» или же по пути «буржуазного развития, пути для того времени более прогрессивному, а главное менее пагубному для крестьянства», благо признаки пресловутого предбуржуазного пути развития были, как считал исследователь, налицо [17, с. 9-10]. И «Иванова опричина», по мнению Н.Е. Носова, стала одним из тех факторов, который обусловил поворот в сторону крепостничества и самодержавия [17, с. 10].

Не вдаваясь в подробности «либерального» «дискурса» в русской историографии (прочно утвердившегося в ней во второй половине XIX в. и продолжающего оказывать значительное влияние на развитие отечественной исторической науки и сегодня), отметим, что, несмотря на жесткое следование требованиям этого «дискурса» и обусловленной этими требованиями интерпретации источников, всё же есть на страницах этих работ любопытные наблюдения. Так, например, тот же Н.Е. Носов пишет о непрямой и неоднозначности путей

брата: ибо он владыка всего света” ...» [15, с. 56]. Мотивы, по которым служилые низы не поддержали верхи, в этом ответе москвиты выражены чуть больше, чем полностью!

исторического развития России в раннем Новом времени, равно как и факторов, их порождавших, и, что особенно интересно, о «странном переплетении “земских” и “приказных” начал в жизни русского общества XVI в.» [17, с. 10, 12]. Так ли уж странно это «переплетение»? И прав ли А. Янов, когда писал о том, что Россия в конце XV в. была обычной североευропейской страной? И если мы обратимся к зарубежной историографии последних лет сорока, то можно сказать, что никакого «странного переплетения» не было и в помине. Напротив, это общеевропейская норма того времени, и Россия раннего Нового времени (а не только конца XV – первой половины XVI в.) действительно не выбивается из общеевропейского (впрочем, только ли общеевропейского, поскольку есть все основания полагать, что и Османская империя во много была схожа в этом плане и со странами Европы, и с Россией) политико-административного и юридического «дискурса».

Но в чем же заключалась суть этого «дискурса»? В вышедшем в 2012 г. исследовании «Преступление и наказание в России раннего Нового времени»³ [36] американский историк-славист Н. Коллманн писала, что «примерно с 1970-х годов (стоит, кстати, обратить внимание на эту дату. – В.П., Т.П.) историки и философы изучают, как возникли раннемодерные государства в Европе (включая и Османскую империю), анализируя стратегии управления, централизации и формирования суверенитета, условно горя с 1500 по 1800 год»⁴. Особое внимание при этом исследователи обращают на то, что историк Дж. Бревер назвал «*sineews of power*» – «жилы» (или, если хотите, «мускулатура») власти, создание, развитие и совершенствование государственной инфраструктуры, государственной машины во всех ее обличьях и аспектах. При

этом упор делался и делается не только и не столько на официальные декларации в духе «*L'etat c'est moi*» (на ошибочность такого подхода, принятого прежде, указывал, к примеру, Р. Скрибнер [42, р. 103]), сколько на реальное их наполнение, на особенности функционирования административного аппарата и его взаимодействия с обществом.

Конечно, эта работа очень и очень далека от завершения, но уже сейчас можно сделать определенные далеко идущие выводы относительно природы раннемодерных государств, и выводы эти очень сильно отличаются от прежних представлений о них как о пресловутом «Левиафане». «Исследователи Европы раннего Нового времени советуют не преувеличивать силу централизующихся государств», – отмечала в этой связи Н. Коллманн [12, с. 15]. С чем это связано? Здесь стоит вспомнить любопытную мысль, высказанную британским историком Г. Кенигсбергером в 1975 г. Характеризуя особенности складывания политических структур и взаимодействия верховной власти с представительными ассамблеями в раннемодерных государствах Европы, он писал, что по большей части эти политические образования носили «составной» («*composite*») характер. В этих «композиционных государствах» (или монархиях, «*composite states or monarchies*»), когда под властью одной династии объединялись различные территории, порой отделенные друг от друга не только государственными границами, но и географическими препятствиями – морями, реками, горными хребтами и пр. Эта «композиционность» способствовала тому, что верховная власть не спешила менять исстари заведенные порядки на вновь присоединенных территориях [37, р. 202, 204].

Развивая тезис Г. Кенигсбергера, другой британский историк Дж. Эллиотт отмечал, что в таких государствах верховная

³ Русский его перевод появился в 2016 г. – завидная оперативность, особенно если учесть, что великое множество работ, в особенности ставших классическими, были переведены на русский язык и стали доступны не только в столицах, но и в провинции, лишь в последние годы и много, много лет спустя после того, как они прогремели на Западе.

⁴ Здесь и далее цитаты будут приводиться по этому изданию: [12, с. 15].

власть, стремясь обеспечить эффективную эксплуатацию вновь присоединенных территорий и управление ими, было вынуждено идти на сотрудничество с местными элитами. Такое решение было связано с тем, что жесткий военный контроль стоил слишком дорого и не гарантировал долговременной лояльности местного населения и его влиятельной в политическом, экономическом и культурно-религиозном отношениях верхушки, а без нее было сложно устоять в жестокой борьбе на выживание, характерной для Европы раннего Нового времени, когда размер территории, богатые ресурсы и численность населения играли решающую роль (см., напр.: [23, с. 39-53]). Отсюда и «композитность» административного устройства, когда верховная власть, сохраняя традиционные вольности и свободы на местах, устанавливала здесь минимальный военный контроль и «надстраивала» над традиционными административными структурами свои, одновременно привлекая на свою сторону местные элиты [32, р. 55].

Естественно, что при таких раскладах «централизованность» раннемодерных государств в большей степени относилась к области деклараций, нежели к повседневной политической, административной и правовой реальности. И эта реальная, существующая здесь и сейчас, «недоцентрализованность», проявлявшаяся в самых разнообразных формах – и в политической, и в правовой, и в экономической, и в культурной, – неизбежно вела к тому, что для политико-административной системы раннемодерных «composite states», как писали Дж. Брюер и Э. Хелльмут, «переговоры, а не насилие, являлось ключевым моментом» [40, р. 12].

Переговоры, а не насилие, как ключевой принцип выстраивания отношений между центром и периферией, между верховной властью и местными элитами в раннемодерных государствах – тезис, более чем интригующий. Но вот что любопытно – в Европе раннего Нового времени существовали государства с разной внутренней

организацией. Так, Ч. Тилли выделял государства «национальные», с «фрагментированным суверенитетом» («fragmented sovereignty») и империи, основанные на сборе дани («tribute-taking empires») [23, с. 48]. И когда К. Борки пишет о том, что правители империй были вынуждены «разделять контроль со множеством посредников в лице провинциальных элит, религиозных и местных властных структур и множеством иных привилегированных институтов» [29, р. 10], то как бы сам собой напрашивается вопрос – хорошо, пускай стратегия переговоров и поиска компромиссов между интересами верховной власти и провинциальных элит характерны для многонациональных и поликультурных империй и государств с «фрагментированным суверенитетом». Но ведь есть еще и «национальные» государства – к примеру, считающаяся по традиции родиной «классического» абсолютизма Франция, – страны, которые в своей основе теоретически должны быть прочнее, нежели остальные типы государств, и для этих политических образований данная стратегия, может, и не нужна вовсе?

На этот вопрос есть ответ. Само по себе понятие «национальное государство» применительно к раннемодерным политическим образованиям Европы выглядит явным анахронизмом, сильно попахивающим презентизмом. В определенном смысле «национальное государство» – это продукт более поздних времен (после 1789 г.), результат политической, социальной и культурной инженерии (которая совсем необязательно носила заранее продуманный и спланированный характер), когда верховная власть, нарастив в течение нескольких веков ту самую «мускулатуру», накопив соответствующий административный опыт и «приручив» местные элиты, переходило к «прямому правлению» (термин Ч. Тилли), которое и порождало то привычное для нас государство, тот самый «всепожирающий» «Левиафан» Нового времени (с оговоркой – позднего Нового времени) [23, с. 54-55]. А до этого момента та же Франция, фор-

мально являющаяся «национальным» государством, вовсе не была таковым. Британский историк Н. Хеншелл, характеризуя особенности политического режима во Франции времен благословенного «Ancien Régime», писал, что «до Великой Французской революции “Франция” оставалась понятием географическим», а подданные французского короля вовсе не обладали развитым национальным самосознанием. «Люди были преданы своей семье, – продолжал он, – своему господину, своему городу, своей провинции, своему классу, своей религии или своему королю», а вот «чувство преданности своей стране проявлялось редко». «Без связующей силы национального самосознания, – продолжал свою мысль дальше историк, – административное и правовое единство также отсутствовало» [25, с. 14].

Чем же, в таком случае, являлась «национальное» государство Франция? Да ничем иным, как той самой «лоскутной», «композитной» монархией, о которой речь шла прежде, де-факто мало чем отличающейся от «даннических» империй и государств с «фрагментированным суверенитетом» Ч. Гилли. Л. Кэрролл так и писал: «Франция была составным политическим образованием, государством, собранным на скорую руку из территорий с характерными, только им присущими особенностями» [31, р. 331]. Существование и единство Франции поддерживались сложной системой компромиссов и взаимозависимостей между верховной властью и местными элитами, политическими и экономическими. Корона в буквальном смысле покупала лояльность элит – и через продажу должностей, и через активное задействование патронажа и привлечения наиболее влиятельных представителей провинциальной аристократии и нобилитета ко двору и на должности в королевской администрации и армии, и через сохранение местных обычаев (в том числе и правовых), традиций и влияния провинциальных «сильных» семейств (см., напр.: [18; 25, с. 48-50, 57-62, 101-105; 27]).

Французский случай вовсе не был исключением, подтверждающим общее правило. В своем небольшом исследовании, посвященном особенностям формирования системы государственного управления в Вюртемберге в эпоху раннего Нового времени, Ш. Огилви указывала на ту значительную роль, которую играли в этом процессе местные сообщества и корпорации – гильдии, городские и сельские «миры». Испытывая давление сверху, со стороны имперских властей, и столкнувшись с корпоративной сплоченностью на местах (которая усиливалась всякого рода неформальными связями), формирующаяся вюртембергская бюрократия была вынуждена идти на сотрудничество с этими корпорациями, принимая в расчет их корпоративный интерес и привилегии [40, р. 200-201]. Стоит отметить, что в вюртембергском случае «композитность» только усиливалась за счет добавления к уже имеющимся двум уровням администрирования еще и третьего, имперского.

Итак, подведем предварительные итоги. В современной западной историографии к настоящему времени сложился и успешно развивается «дискурс», который рассматривает раннемодерные государства как политические образования, достаточно рыхлые и явно «недоцентрализованные». Верховная власть, сосредоточившись на решении важнейших проблем, связанных прежде всего с внешней политикой, войной и финансами (без которых была невозможна успешная реализация внешнеполитических задач как посредством дипломатии, так и применением «последнего довода королей», стоимость которого в результате «пороховой» военной революции резко увеличилась), в условиях, когда государственная машина, унаследованная от Средневековья, была еще примитивна, а «мускулатура» власти не «накачана» в должной степени, искала выход в разработке разнообразных стратегий, гарантировавших ей лояльность провинциальных элит и местных сообществ. В основе этих стратегий так или иначе лежал поиск компромисса и налаживание сотрудничества

между верховной властью и теми силами на местах, которые способны были поддерживать порядок и предоставление верховной власти необходимых ей ресурсов. За эту лояльность и содействие корона расплачивалась с провинциальной аристократией и нобилитетом предоставлением всевозможных материальных и нематериальных благ и привилегий, связанных с исполнением обязанностей при дворе верховного суверена, его администрации и его армии, а также сохранением старинных свобод, традиций и обычаев. И, что немаловажно, исследования последних десятилетий наглядно показывают, что между официальными декларациями и повседневной административной и судебной практикой в раннемодерных государствах лежала большая дистанция. Например, в том же судопроизводстве различные неформальные практики, основанные на патронаже, посредничестве, арбитраже и иных подобных вещах, основанных на обычае и традиции, играли порой большую роль, нежели закон (который зачастую использовался для того, чтобы придать некий флер легитимности привычным способам решения споров) (см., напр.: [30, р. 113]). До настоящей централизованности «композитным» монархиям раннего Нового времени было еще очень и очень далеко.

Как же обстояло дело с Русским государством в эпоху позднего Средневековья – раннего Нового времени? Н. Коллманн в уже упомянутом нами прежде исследовании отмечала, что «в последнее время европейская, американская и российская историография права и управления в России раннего Нового времени одновременно воспроизводит и оспаривает старые стереотипы» [12, с. 22-23]. Примером тому может служить дискуссия 2002 г. на страницах журнала «Критика: Разыскания в русской и евразийской истории» (см.: [33; 35; 25; 39; 41]). Эту ситуацию другой американский русист, В. Кивельсон, сравнила со своеоб-

разным маятником, на одном полюсе которого находятся «традиционалисты», воспроизводящие «Большой Стереотип» и его производные, а на другом – «ревизионисты» («гарвардской школы»), подвергающие критике «старую школу» за ее некритичное восприятие свидетельств европейских дипломатов, купцов и авантюристов, побывавших в Московии XVI–XVII вв. [34, р. 465-466].

Описанный «маятник» работает и в России. Так, в 1991 г. в предисловии к биографии Ивана III, написанной Ю.Г. Алексеевым, академик Н.Н. Покровский⁵ писал, что «власть эта (Ивана II – В.П., Т.П.) была не так уж и сильна, что местные особенности и различия очень долго давали себя знать в едином государстве... Система власти базировалась не на единственном понятии "государство", а на двух понятиях – "государство" и "общество", на продуманной системе не только прямых, но и обратных связей между ними... Центральная государственная власть того времени не была в состоянии доходить до каждой отдельной личности; исполняя свои функции, она должна была опираться на эти первичные социальные общности (крестьянские и городские общины, дворянские корпорации-«города» и пр. – В.П., Т.П.). Но это автоматически означало серьезные права таких организаций, их немалую роль в политической системе всей страны...» (см.: [1, с. 5-6]).

Согласитесь, любопытное мнение, радикально различающееся с процитированными выше отрывками из работ А.А. Зимины и Н.Е. Носова. Казалось бы, стоит порадоваться за отечественную историческую науку, которая начала изживать мало-помалу «Большой Стереотип», но не тут-то было – в том же 91-ом году выходит сборник «История Отечества: люди, идеи, решения», где можно прочитать, к примеру, такой пассаж: «Опыт Великого княжества Литовского и Русского показывает, что на восточнославянских землях было возможно создание не только *азиатской деспотии*

⁵ Автор ряда интересных работ о взаимодействии верховной власти и «земли» в допетровской России. См., например, [20].

Ивана Грозного⁶, но и достаточно эффективное функционирование *демократических институтов* (sic! – В.П., Т.П.) многонационального государства». Перенос же этого опыта на всю Русскую землю мог бы дать ей «иные формы государственного устройства (вместо самодержавия – сословное представительство, сохранение региональных особенностей в течение более длительного времени), свержение ордынского ига раньше, чем это произошло в действительности, выход к Балтике за три-четыре века до Петра I (т.е. в начале XIV в.? – В.П., Т.П.), более смелое включение в местную культуру западноевропейских элементов, решительное восстановление разорванных ордынским нашествием связей с Западной Европой» и пр. [6, с. 123-124]. Там же, в этом сборнике, можно прочитать и про «диктаторский режим» Ивана Грозного, «сцементированный лишь террором и демагогией» [10, с. 161, 162], и ряд других, не менее любопытных суждений в том же духе.

Другой, не менее характерный пример – заочный обмен мнениями на страницах журнала «Родина» между А.Л. Хорошкевич и А.А. Смирновым (см.: [21; 26]). И что любопытно – если А.Л. Хорошкевич, крупный специалист по истории России времен позднего Средневековья – раннего Нового времени, в своих суждениях о Русском государстве московского периода и его сущности ни на йоту не отклоняется от постулатов «Большого Стереотипа» (и А.Л. Янов по сравнению с ней выглядит новатором), то А.А. Смирнов, напротив, попытался осмыслить происхождение Русского государства и особенности его политической системы и политического режима, исходя из объективных обстоятельств, прежде всего постоянной военной угрозы. И в его аргументации без особого труда можно найти параллели с построениями «гарвардской школы», Ч. Тилли и ряда других за-

падных историков-«ревиизионистов», не говоря уже о том, что, к примеру, в вопросе о местном самоуправлении его позиции совпадают с мнением Н.Н. Покровского.

Что обращает на себя внимание во всех этих качаниях маятника в современной российской историографии, так это отсутствие попыток глубокого теоретического осмысления проблемы. Каким было раннемодерное Русское государство, как работал его государственный аппарат, судебная система, местное управление, насколько были развиты пресловутые «*sinews of power*», какими были пределы царской власти и насколько официальные декларации совпадали с реальной действительностью (отметим, кстати, что знаменитая фраза Ивана Грозного из послания к князю Андрею Курбскому, «а жаловати есмя своих холопей вольны, а и казнити вольны же» [19, с. 30], есть ничто иное, как парафраз положения из докончанья 1427 г. тверского великого князя Бориса Александровича с великим князем литовским Витовтом – «А дядям моим, и братьи моеи, и племени моему, князем, быти в моем послуше. Юз, князь велик Борис Александрович, волен, кого жалую, кого казню, а моему госуодину, деду, великому князю Витовту, не вступатися...» [5, с. 62])?

На эти вопросы в нашей современной историографии практически нет ответов – лишь несколько авторов поднимают эти проблемы, и отечественная историческая наука находится фактически лишь в начале пути. Так М.М. Кром, исследуя особенности складывания и функционирования московской «бюрократии» в предприказную эпоху, приходит к любопытному выводу: «Административно-хозяйственная сфера обладала определенной долей автономии по отношению к носителю верховной власти и придворной элите». Эта автономия, по мнению исследователя, объясняет, по-

⁶ Выделено нами. Между прочим, Н. Коллманн отмечала в своем историографическом обзоре, что первые серьезные работы, подрывавшие «Большой Стереотип», появились еще в начале 60-х гг. минувшего столетия [12, с. 23].

чему «корабль» государственного управления не пошел ко дну во время «дворцовых бурь», бушевавших в 30–40-е гг. XVI вв. И вывод, который он делает в результате своего исследования – «Дальнейший прогресс в исследовании политической истории России возможен также, на мой взгляд, на путях исследования разнообразных практик властвования (курсив М.М. Крома. – В.П., Т.П.), административных будней...» [13, с. 617] (см. также: [14]). Любопытные и неординарные выводы об особенностях взаимоотношений между верховной властью и местным самоуправлением следуют из последних работ историков В.А. Аракчева и В.В. Бовыкина (см., напр.: [3; 4]).

Самое место вспомнить здесь фразу М.М. Крома из предисловия к русскому переводу исследования американского русиста В. Кивельсон «Картография царства: земля и ее значение в России XVII века». Историк тогда писал, что «к концу 80-х годов XX века в США сформировалось направление, родственное исторической антропологии, – новая культурная история». В рамках этого нового «дискурса» в исследованиях по русской истории фокус внимания «сместился с изучения политических институтов, войны, дипломатии, государственного управления на различные аспекты истории культуры», что позволило иначе взглянуть на сюжеты, связанные с развитием политических, административных, дипломатических, военных и иных аналогичных практик Русского государства раннего Нового времени. Развивая свою мысль дальше, М.М. Кром указывал, что «в книге «Самодержавие в провинциях» Кивельсон подвергла ревизии привычный образ Московского царства как деспотического государства, властитель которого как рабами правил своими бесправными подданными». Суть предложенной в 1996 г. американским историком новой концепции московской раннемодерной монархии заключалась в том, что последняя, «подобно другим европейским государствам начала Нового времени, нуждалась в поддержке и содействии различных групп населения (выделено нами. – В.П., Т.П.), находивших в

рамках существующей правовой и политической системы возможности для защиты своих прав и интересов...» [9, с. 9, 10].

Итак, В. Кивельсон и ряд других зарубежных исследователей (прежде всего Н. Коллманн) в противовес «консерваторам»-сторонникам «Большого Стереотипа» выдвинули концепцию, согласно которой раннемодерная Россия находится в одном ряду с другими раннемодерными же государствами Европы (и Османской империей), управление которыми строится на взаимодействии между верховной властью и местными сообществами. Это мнение завоевало довольно устойчивые позиции в западной историографии, правда, в свете последних событий есть все основания полагать, что «маятник» откатнется назад и противники «гарвардской школы» обретут перевес в многолетней дискуссии. И эта концепция постепенно пробивает дорогу и в российское историческое пространство.

Такой подход представляется более взвешенным и обоснованным, нежели рассуждения о «диктатуре страха», столь распространенные прежде. В самом деле, пресловутая «диктатура страха» предполагает наличие у верховной власти соответствующей «мускулатуры», посредством которой она смогла бы держать под контролем и элиту, и местные сообщества-корпорации, принуждая их выполнять свои требования. Но вся проблема как раз в том и заключается, что такой «мускулатуры» у московских государей не было и в помине, и быть не могло по определению в силу разных как объективных, так и субъективных причин. Достаточно сказать, что Россия раннего Нового времени – это бедная аграрная страна с редким, рассеянным по огромной территории населением, примитивной малоэффективной экономикой, неразвитой инфраструктурой, традиционной культурой с отсутствующей в ней развитой письменной традицией. Британский исследователь С. Франклин отмечал в этой связи, что в средневековой Руси «письменность была мощным средством в ходе общественной и культурной интеграции, но в реализации

функций светской власти и в ее консолидации это средство действовало лишь в ограниченных масштабах». По мнению ученого, недостаточная институционализация письменной традиции (по сравнению с Западом) «указывает на устойчивость традиционных социальных отношений, на осознанную обществом функциональную адекватность традиционных способов поведения без участия письменности, на самодостаточность традиции» [24, с. 476, 480]. Здесь, кстати, стоит упомянуть любопытную концепцию диглоссии русского средневекового права В.М. Живова (см.: [7]). И возникает вопрос – не с этими ли особенностями русской письменной культуры связана в том числе, поскольку мы исходим из того, что на формирование и развитие того или иного исторического феномена влияет множество причин и факторов, и отмеченная М.М. Кромом мизерная (на фоне той же Франции) «производительность» московской приказной бюрократии [13, с. 374-375].

Эта явная недостаточность ресурсов, которые находились в руках верховной власти, неизбежно вела к ситуации, когда решение вопросов, находящихся в компетенции верховной власти («дела государева», прежде всего дипломатии, войны и финансов), было невозможно без содействия ей со стороны «земли», «мира», тех самых местных сообществ, организованных не без участия верховной власти. На практике же это означало, с одной стороны, необходимость искать компромиссы (что неизбежно вело, как уже было показано выше, к «нецентрализации» и сохранению местных традиций, обычаев и «свобод» – и на это есть прямые указания в актовых материалах конца XV–XVI вв.) между интересами верховной власти и местных элит, а с другой – формировало особые отношения между «землей» и верховной властью, основанные на своего рода «партнерстве» и сотрудничестве. Осмелимся при этом высказать предположение, что пресловутые «реформы» так называемой «Избранной Рады» Ивана Грозного (оценка которых, исходя из новых концепций, давно уже назрела) как раз и были

нацелены на то, что конституировать и придать необходимой «флер» легитимности этой системе. И, следовательно, если уж и вести речь о «революции» Ивана Грозного, то уж совершенно точно не о «самодержавной», но о «земской». Поворот же от «земско-самодержавной» монархии к монархии «самодержавно-бюрократической» [16, с. 16], наметившись во 2-й половине XVII в., был в целом завершён уже в следующем столетии, и петровские преобразования стали важнейшим, переломным моментом в этой истории.

Если принять во внимание оригинальную концепцию В. Либермана об «открытых» и «закрытых» обществах (а Русская земля явно относилась к «открытым» внешним, по большей части враждебным, влияниям со стороны той же Великой Степи) [см.: 38], то трудно не согласиться с мнением Ю.Г. Алексева, который выдвинул интересную и на наш взгляд, весьма перспективную идею о Русском государстве как государстве «земско-служилом». «Реальной основой этого государства, – писал историк, – явились служилые отношения и общинные институты, пронизывающие весь строй жизни России. Вопреки мнению, долгое время господствовавшему в нашей историографии, Русское государство не знало “закрепощения сословий”. Обязанность государственной службы, т.е. службы Отечеству, воплощаемому в лице государя всея Руси, вытекала из всего бытия Русского государства и определялась, с одной стороны, объективной необходимостью иметь сильное, дееспособное государство, способное отстаивать независимость и целостность России, с другой же стороны – патернализмом как основной формой отношений между главой государства и его подданными. Средневековый патернализм не укладывается в категории политического и юридического мышления XIX–XX вв. с его повышенным рационализмом и формализмом... В силу патерналистского характера политического сознания в России не было и не могло быть договорных отношений между отцом и сыном в православной семье. Отсутствие договорных отношений

было не проявлением “бесправия”, “восточного деспотизма”, а высшей степенью доверия между властью и народом – тем морально-политическим единством, которое обусловило сохранение Россией ее государственного единства, независимости и самого ее существования...» [2, с. 431-433].

Подведем итоги. Традиционная концепция, тот самый «Большой Стереотип», рассматривающая Русское государство эпохи позднего Средневековья – раннего Нового времени как азиатскую деспотию, основанную на тотальном бесправии и абсолютном самовластии, сегодня отнюдь не является безусловно доминирующей (во всяком случае, в современной западной историографии, а к ней постепенно начинает подтягиваться и отечественная). Ее существенно потеснил иной взгляд на сущность московской государственности и московского политического режима. «Большой Стереотип» основан преимущественно на некритическом восприятии весьма и весьма субъективного образа Русского государства и русских (своего рода «черная легенда»), который создавался в западноевропейском общественном сознании примерно со второй четверти XVI в., когда стало очевидным, что Московия не намерена «встраиваться» в формирующуюся систему политических и экономических отношений и намерена вести самостоятельную политику в собственных интересах. Тогда и складывается образ России и русских как «Другого».

Формированию этого образа и соответствующего «шлейфа» способствовала и закрытость русского общества, языковой и культурный (и религиозный как его немаловажная часть – не стоит забывать, что большая часть XVI и немалая следующего века прошли под знаменем ожесточенной борьбы Реформации и Контрреформации) барьеры, отнюдь не способствовавшие взаимопониманию. Не допущенные к русской внутриполитической «кухне» европейцы, побывавшие в России раннего Нового времени, не сумели разобраться (а по большей части особо и не стремились) в особенностях политического режима и устройства

Русского государства и общества и принимали московские официальные политические декларации за чистую монету (тем более, что они соответствовали образу России как «азиатского» общества). Однако если обратиться не к нарративным источникам, но к актовым материалам (что и было сделано «ревизионистами»), и вывести за скобки положения «Большого Стереотипа», занявшись анализом особенностей московской административной и правовой «повседневности», то выстраиваемая реальность существенно с ним расходится. Безусловно, особенности геополитического, географического положения Русского государства, его формирования и последующего развития, наложили свой отпечаток на характер его политических, административных и правовых институтов, не говоря уже о прочих, однако при всех видимых внешних отличиях Россия раннего Нового времени в общем и в целом не выбивается из общего «тренда», определявшего развитие раннемодерных государств. Форма отнюдь не определяет содержание.

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для декларации.

Conflict of interests: the authors have no conflict of interests to declare.

Литература

1. Алексеев, Ю.Г. Государь всея Руси. Новосибирск: Наука, 1991. 240 с.
2. Алексеев, Ю.Г. Судебник Ивана III. Традиция и реформа. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 448 с.
3. Аракчеев, В.А. Власть и «земля». Правительственная политика в отношении тяглых сословий в России второй половины XVI – начала XVII века. М.: Древлехранилище, 2014. 512 с.
4. Бовыкин, В.В. Местное самоуправление в Русском государстве XVI в. СПб.: Дмитрий Буланин, 2012. 421 с.
5. Докончанье великого князя тверского Бориса Александровича с великим князем литовским Витовтом // Духовные и договорные

грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 62-63.

6. Думин, С.В. Другая Русь (Великое княжество Литовское и Русское) // *История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX – начала XX в.* М.: Издательство политической литературы, 1991. С. 76-126.

7. Живов, В.М. История русского права как лингвосомиотическая проблема // В.М. Живов Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 187-290.

8. Зимин, А.А. Витязь на распутье: Феодалная война в России XV в. М.: Мысль, 1991. 286 с.

9. Кивельсон, В. Картографии царства: земля и ее значение в России XVII века. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 360 с.

10. Кобрин, В.Б. Иван Грозный: Избранная Рада или опричнина? // *История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX – начала XX в.* М.: Изд-во политической литературы, 1991. С. 127-162.

11. Кобрин, В.Б. Смутное время – утраченные возможности // *История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX – начала XX в.* М.: Изд-во политической литературы, 1991. С. 163-185

12. Коллманн, Н. Преступление и наказание в России раннего Нового времени. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 616 с.

13. Кром, М.М. «Вдовствующее царство»: Политический кризис в России 30-40-х годов XVI века. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 888 с.

14. Кром, М.М. К пониманию московской «политики» XVI в.: курс и практика российской позднесредневековой монархии // *Одиссей.: Человек в истории. Время и пространство праздника.* 2005. М.: Наука, 2005. С. 283-303.

15. Маскевич, С. Дневник Маскевича 1594-1621 // *Сказания современников о Дмитрии Самозванце.* Т. 1. СПб. 1859. С. 13-124.

16. Мельгунов, С.П. Церковь и государство в России (к вопросу о свободе совести). М.: Изд-во Тов. И.Д. Сытина, 1907. 196 с.

17. Носов, Н.Е. Становление сословно-представительных учреждений в России.

Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л.: Наука, 1969. 602 с.

18. Пек, Л. «Для короля не проявлять щедрость было бы ошибкой»: взгляд на патронаж при дворе первых Стюартов в Англии // *Патрон-клиентские отношения в истории и современности.* М.: РОССПЭН, 2016. С. 149-184.

19. Первое послание Курбскому // *Послания Ивана Грозного.* СПб.: Наука, 2005. С. 9-71.

20. Покровский, Н.Н. Томск 1648-1649 гг. Воеводская власть и земские миры. Новосибирск: Наука, 1989. 388 с.

21. Смирнов, А.А. Государство сражающейся нации // *Родина.* 1994. № 9. С. 34-38.

22. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной Коллегии иностранных дел. Часть 2. М.: Тип. Селивановского, 1819. 636 с.

23. Тилли, Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 990-1992 гг. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2009. 328 с.

24. Франклин, С. Письменность, общество и культура в Древней Руси. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. 552 с.

25. Хеншелл, Н. Миф абсолютизма. Периоды и преемственность в развитии западноевропейской монархии раннего Нового времени. СПб.: Алетейя, 2003. 272 с.

26. Хорошкевич, А.Л. Государство всея Руси // *Родина.* 1994. № 5. С. 20-26.

27. Элиас, Н. Придворное общество: Исследования по социологии короля и придворной аристократии, с Введением: Социология и история. М.: Языки славянской культуры, 2002. 368 с.

28. Янов, А.Л. Россия: У истоков трагедии. 1462-11584. Заметки о природе и происхождении русской государственности. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 559 с.

29. Barkey, K. *Empire of Difference. The Ottomans in Comparative Perspective.* Cambridge: Cambridge University Press. 2008. 342 p.

30. Breen, M. Patronage, Politics, and the "Rule of Law" in Early Modern France // *Proceedings of the Western Society for French History.* 2005. Vol. 33. P. 95-113.

31. Carroll, S. *Blood and Violence in Early Modern France*. Oxford: Oxford University Press, 2006. 369 p.

32. Elliott, J.H. A Europe of Composite Monarchies // *Past & Present*. 1992. No. 137. The Cultural and Political Construction of Europe. P. 48-71.

33. Halperin, C.J. Muscovy as a Hyper-trophic State: A Critique // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, Vol. 3, No. 3, Summer 2002 (New Series). P. 501-507.

34. Kivelson, V. Muscovite "Citizenship": Rights without Freedom // *The Journal of Modern History*, Vol. 74, No. 3 (September 2002). P. 465-489.

35. Kivelson, V. On Words, Sources, and Historical Method: Which Truth about Muscovy? // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, Vol. 3, No. 3, Summer 2002 (New Series). P. 487-499.

36. Kollmann, N.S. *Crime and Punishment in Early Modern Russia*. Cambridge, Cambridge University Press, 2012. 504 p.

37. Koenigsberger, H.G. Monarchies and Parliaments in Early Modern Europe *Dominium Regale or Dominium Politicum et Regale // Theory and Society*. 1978. Vol. 5. 2. P. 191-217.

38. Lieberman, V. *Strange Parallels. South-east Asia in Global Context, c. 800–1830*. Volume 2: Mainland Mirrors: Europe, Japan, China, South Asia, and the Islands. Oxford: Oxford University Press, 2009. 947 p.

39. Poe, M. The Truth about Muscovy // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 2002. Vol. 3, Number 3 (New Series). P. 473-486.

40. *Rethinking Leviathan: The Eighteenth-century State in Britain and Germany*. Eds. J. Brever and E. Hellmuth. London-Oxford: Oxford University Press, 1999. 428 p.

41. Rustemeyer, A. Systems and Senses: New Research on Muscovy and the Historiography on Early Modern Europe // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, Vol. 11, Number 3, Summer 2010 (New Series). P. 563-579.

42. Scribner, R.W. *Police and the Territorial State in Sixteenth-Century Württemberg // Politics and Society in Reformation Europe*. Eds. Elton, G., Kouri, E., Scott, T. London: Palgrave MacMillan, 1987. XIX. P. 103-120.

References

1. Alekseev, Yu. G. (1991), *Gosudar' vseja Rusi* [The Emperor of All Russia], Nauka, Novosibirsk, Russia (in Russ.).

2. Alekseev, Yu. G. (2001), *Sudebnik Ivana III. Tradiciya i reforma* [The Court Book by Ivan III. Tradition and Reform], Dmitriy Bulanin, Saint-Petersburg, Russia (in Russ.).

3. Arakcheev, V. A. (2014), *Vlast' i "zemlya". Pravitelstvennaya politika v otnoshenii tyaglyh sosloviy v Rossii vtoroy poloviny XVI – nachala XVII veka* [The power and "ground". Government policy in respect of taxpaying estates in Russia in the second half of the 16th – early 17th century], Drevlehranilishche, Moscow, Russia (in Russ.).

4. Bovykin, V. V. (2012), *Mestnoe samoupravlenie v Russkom gosudarstve XVI veka* [Local government in the Russian state in the XVI century], Dmitriy Bulanin, Saint Petersburg, Russia.

5. "Dokonchanie of Grand Duke Boris Alexandrovich of Tver with Grand Duke Vitovt of Lithuania" (1950), *Duhovnie I dogovornye gramoty velikih udel'nyh knyazey XIV–XVI vv.* [Spiritual and Treaty ratification and the Great Princes, the 14-16th centuries], Nauka Publishers, Moscow-Leningrad, USSR, 62-63 (in Russ.).

6. Dumin, S. V. (1991), "Another Rus (the Great principedom Lithuanian and Russian)" (in Russ.), *Istoriya Otechestva: lyudi, idei, reshebiya. Ocherki istorii Rossii IX – nachala XX v.* [The history of the Fatherland: people, ideas, solutions. Sketches of history of Russia of the 9-20th centuries], Izdatel'stvo politicheskoy literatury, Moscow, Russia, 76-126.

7. Zhivov, V. M. (2002), "The History of Russian law as a linguistic and semiotic issue" (in Russ.), *Raziskaniya v oblasti istorii i predistorii russkoy kul'tury* [Searches in the field of history and prehistory of Russian culture], LRC Publishing House, Moscow, Russia, 187-290.

8. Zimin, A. A. (1991), *Vityaz' na raspутьe* [Knight at the crossroads], Mysl', Moscow, Russia (in Russ.).

9. Kivelson, V. (2012), *Kartografiya carstva: zemlya i ee znachenie v Rossii XVII veka* [Cartography of the Kingdom: the land and its value in Russia of the 17th century], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia (in Russ.).

10. Kobrin, V. B. (1991), "Ivan the Terrible: The Chosen council or oprichnina?" (in Russ.), *Istoriya Otechestva: lyudi, idei, reshebiya. Ocherki istorii Rossii IX – nachala XX v.* [The history of the Fatherland: people, ideas, solutions. Sketches of history of Russia of the 9-20th centuries], Izdatel'stvo politicheskoy literatury, Moscow, Russia, 127-162.

11. Kobrin, V. B. (1991), "The time of troubles – lost opportunities" (in Russ.), *Istoriya Otechestva: lyudi, idei, reshebiya. Ocherki istorii Rossii IX – nachala XX v.* [The history of the Fatherland: people, ideas, solutions. Sketches of history of Russia of the 9-20th centuries], Izdatel'stvo politicheskoy literatury, Moscow, Russia, 163-185.

12. Kollmann, N. (2016), *Prestuplenie i nakazanie v Rossii rannego Novogo vremeni* [Crime and punishment in Russia of the Early Modern Time], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.

13. Krom, M. M. (2010), *"Vdovstvuyuschee carstvo": politicheskij krizis v Rossii 30-40-h godov XVI veka* ["Widowhood Kingdom": the political crisis in Russia in the 30-40-ies of the 16th century], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia (in Russ.).

14. Krom, M. M. (2005), "To an understanding of Moscow's "policy" of the 16th century: discourse and practice of late medieval Russian monarchy" (in Russ.), *Odissey: Chelovtk v istorii. Vrevya i prostranstvo praktiki*, Nauka Publishers, Moscow, Russia, 283-303.

15. Maskevich, S. (1859), "Maskevich's Diary 1594-1621", *Skazaniya sovremennikov o Dmitrii Samozvance* [Tales of contemporaries of Dmitri the Impostor] (in Russ.), Saint Petersburg, Russia, Vol. 1, 13-124.

16. Melgunov, S. P. (1907), *Cerkov' i gosudarstvo v Rossii (k voprosu o svobode sovesti)* [Church and state in Russia (on freedom of conscience)], Izd-vo Tov. I.D. Sytina. (in Russ.).

17. Nosov, N. E. (1969), *Stanovlene soslovno-predstavitel'skih uchrezhdeniy v Rossii. Izyskaniya o zemskoy reforme Ivana Groznogo* [Formation of class-representative institutions in Russia. Research on the Zemsky reform of Ivan the Terrible], Nauka, Leningrad, Russia. (in Russ.).

18. Peck, L. (2016), "For the king not to be generous would be a mistake": a look at patronage in the court of the first stewards in England" (in Russ.), *Patron-klientskie otnosheniya v istorii i sovremennosti* [Patron-client relations in history and modern times], ROSSPEN, Moscow, Russia, 149-184.

19. The first message to Kurbskiy (2005), *Poslaniya Ivana Groznogo* [The Messages of Ivan the Terrible], Nauka Publishers, Moscow, Russia, 9-71. (in Russ.).

20. Pokrovsky, N. N. (1989), *Tomsk 1648-1649 gg. Voevodskaya chast' i zemskie miry* [Tomsk in 1648-1649. The provincial government and provincial worlds], Nauka, Novosibirsk, Russia. (in Russ.).

21. Smimov, A. A. (1994), "The State of the fighting nation" (in Russ.), *Rodina*, 9, 34-38.

22. *Sobranie gosudarstvennyh gramot i dogovorov, hranyaschihsya v Gosudarstvennoy Kollegii inostrannyh del. Chast' 2-ya* [Collection of state certificates and contracts stored in The State College of Foreign Affairs. Part 2] (1819), Tip. Selivanovskogo, Moscow, Russia (in Russ.).

23. Tilly, Ch. (2009), *Primuzhdenie, capital i evropeiskie gosudarstva 990-1992 gg.* [Coercion, Capital, and European States, AD 990-1992], Translated by Menskaya, T., Publishing House "Territoriya buduschego", Moscow, Russia (in Russ.).

24. Franklin, S. (2010), *Pismennost', obshchestvo i kul'tura v Drevney Rusi* [Writing, society and culture in Ancient Rus], Translated by Bulanin, D, Dmitriy Bulanin, Saint Petersburg, Russia (in Russ.).

25. Henshall, N. (2003), *Mif absolutizma. Peremeny i preemstvennost' v razvitii zapadnoevropeyskoy monarhii Novogo vremeni* [The Myth of Absolutism: Change and Continuity in Early Modern European Monarchy], Translated by Palamarchuk, A., Alteya, Saint Petersburg, Russia (in Russ.).

26. Horoshkevich, A. L. (1994), "The State of all Rus" (in Russ.), *Rodina* [Motherland], 5, 20-26.

27. Elias, N. (2002), *Pridvornoe obshchestvo: Issledovaniya po sotsiologii korolya i pridvornoy aristokratii* [Court society: Studies in

the sociology of the king and the court aristocracy], LRC Publishing House, Moscow, Russia (in Russ.).

28. Yanov, A. L. (2001), *Rossiia: u istokov tragedii. 1462-1584. Zametki o prirode proishozhdeniya russkoj gosudarstvennosti* [Russia: at the origins of the tragedy. 1462-1584. Notes on the nature of the origin of the Russian statehood], Progress-Tradiciya, Moscow, Russia (in Russ.).

29. Barkey, K. (2008), *Empire of Difference. The Ottomans in Comparative Perspective*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.

30. Breen, M. (2005), “Patronage, Politics, and the “Rule of Law” in Early Modern France”, *Proceedings of the Western Society for French History*, Vol. 33, 95-113.

31. Carroll, S. (2006), *Blood and Violence in Early Modern France*. Oxford University Press, Oxford, UK.

32. Elliott, J. H. (1992), “A Europe of Composite Monarchies”, *Past & Present*, 137 (The Cultural and Political Construction of Europe), 48-71.

33. Halperin, C. J. (2002), “Muscovy as a Hypertrophic State: A Critique”, *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, Vol. 3, 3, 501-507.

34. Kivelson, V. (2002), “Muscovite “Citizenship”: Rights without Freedom”, *The Journal of Modern History*, Vol. 74, 3, 465-489.

35. Kivelson, V. (2002), “On Words, Sources, and Historical Method: Which Truth about Muscovy?”, *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, Vol. 3, 3, 487-499.

36. Kollmann, N. S. (2012), *Crime and Punishment in Early Modern Russia*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.

37. Koenigsberger, H. G. (1978), “Monarchies and Parliaments in Early Modern Europe Dominium Regale or Dominium Politicum et Regale”, *Theory and Society*, Vol. 5, 2, 191-217.

38. Lieberman, V. (2009), *Strange Parallels. Southeast Asia in Global Context, c. 800–1830*, Vol. 2: Mainland Mirrors: Europe, Japan, China, South Asia, and the Islands, Oxford University Press, Oxford, UK.

39. Poe, M. (2002), “The Truth about Muscovy”, *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, Vol. 3, 3, 473-486.

40. “The German State: a Non-Prussian View” (1999), *Rethinking Leviathan: The Eighteenth-century State in Britain and Germany*, in Brever, J. and Hellmuth, E. (ed), Oxford University Press, London-Oxford, UK.

41. Rustemeyer, A. (2010), “Systems and Senses: New Research on Muscovy and the Historiography on Early Modern Europe”, *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, Vol. 11, 3, 563-579.

42. Scribner, R. W. (1987), “Police and the Territorial State in Sixteenth-Century Württemberg”, *Politics and Society in Reformation Europe*, in Elton, G., Kouri, E., Scott, T. (ed), Palgrave MacMillan, London, UK, 103-120.

ОБ АВТОРАХ:

Пенской Виталий Викторович, доктор исторических наук, профессор, кафедра теории и истории государства и права, Юридический институт, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; penskoy@bsu.edu.ru

Пенская Татьяна Михайловна, кандидат исторических наук, доцент, кафедра философии и теологии, социально-теологический факультет, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; penskaya@bsu.edu.ru

ABOUT THE AUTHORS:

Vitaliy V. Penskoj, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Theory and History of State and Law, Law Institute, Belgorod National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; penskoy@bsu.edu.ru
Tatyana M. Penskaya, PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Department of Philosophy and Theology, Socio-Theological Faculty, Belgorod National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; penskaya@bsu.edu.ru